

Невежин Петр Михайлович

В бою и другие рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Михайлович Н.**
В бою и другие рассказы / Невежин Петр Михайлович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 383 с.

ISBN 978-5-519-98738-7

ISBN 978-5-519-98738-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шлетъ. Все голосу не подаетъ, а чуть дѣло не ладно — и заревѣлъ. Да уймись ты, псина! Слышимъ.

Оселъ ревѣлъ неистово. Какъ это ни странно, но между солдатами сложилось повѣріе, что оселъ кричитъ передъ походомъ.

Въ одной палаткѣ со мной помѣщался неизмѣнный Мининъ и другой — нѣкто Никонъ Никифоровичъ Пановъ. Лица эти во всемъ рѣзко отличались одинъ отъ другого. Мининъ былъ говорливъ и живъ, Пановъ молчаливъ и медленъ, улыбался рѣдко, но зато иногда, безъ особой причины, разражался неистовымъ хохотомъ. Онъ смотрѣлъ на все свысока и какъ-то странно водилъ своимъ огромнымъ носомъ, что казалось для не знавшихъ его надменностью, но въ сущности это была только странная игра природы. Пановъ былъ добрый малый, но мысли его не парили высоко.

Солнце значительно поднялось отъ горизонта, когда денщики стали подавать чай, предсказывая походъ. Надо было одѣваться. Мининъ принялся по обыкновенію за Панова.

— А что, дружище Никоне, каковы были сповидѣнія?

— Никакихъ.

— Ну, вотъ, забыть вѣрно! Вѣдь не безъ сна жъ ты какую-то Агаею звать, да такъ жалостно... Вы не слыхали, Михаилъ Петровичъ?

— Отвяжитесь вы отъ меня!

— Я на него въ большой претензіи. Во-первыхъ, не во-время Агаею вспоминалъ, а главное — хранилъ. На зарѣ съ осломъ такой дуэтъ сочинили, что угоришь!

Пановъ высокомерно окинулъ Минина взглядомъ, повелъ носомъ и медленно произнесъ:

— Дуракъ.

— Вотъ онъ сейчасъ и „дуракъ“, а ужъ не я ли поучаю его уму-разуму. Говорю: Никоне! водки не пей, на болгарокъ заглядывайся меньше, въ стучолку не играй, ибо все это пагуба. А онъ даже и во снѣ! Скажите же, кто изъ насъ глупъ? О, распроклятый ты, Никоне, исчадіе тундры безлюдной!

Пановъ такъ же невозмутимо обвелъ Минина взглядомъ и такъ же спокойно произнесъ:

— Глупъ!

— Что же это вы, Никонъ Никифоровичъ, вчера такъ поздно пришли въ палатку? — спросилъ я.

— Играли и немножко того... выпили... Скучно!

— Большая игра была?

— Сѣли на серебро, а потомъ пошло въ ходъ и золото.

— Во что?

— Мокали (макао). Шершинскій двѣсти золотыхъ выигралъ.

— Играть-то играйте, а вотъ пить-то не слѣдуетъ. Сами жалуетесь, что у васъ дизентерія.

— Лучше пройдетъ.

— Ну, не идолъ ли онъ?—вмѣшался Мининъ.— Еще вчера досталъ ему касторового масла, такъ, видно, это питье ему не по вкусу!

— Сейчасъ выпью. Семеновъ, ложку!

Неподалеку послышался топотъ скакавшей лошади. Это казакъ скакалъ къ шатру бригаднаго командира.

— Маменьки мои, выступленіе! Авось, изъ этой вонючей ямы вылѣземъ,—радовался Мининъ.

Въ это время Пановъ держалъ въ одной рукѣ ложку, въ другой—склянку съ касторовымъ масломъ. Предположеніе о выступленіи остановило его намѣреніе. Онъ опустилъ ложку и склянку, призадумался и согбѣлъ.

— Что же вы?

— Боюсь. Въ походѣ неловко. Какъ бы того.. посудите сами.

— Никоне, Никоне, пропадешь!

Издали слышалась команда.

— Ранцы надѣвай! Подъемъ!

Бивуакъ зашевелился, какъ муравейникъ. Голоса сливались въ одинъ общій гулъ, среди котораго слышалось громкое понуканье.

— Живо одѣваться! Пошелъ, выходи! Что, васъ просить, что ли! Разсолодѣли! Бѣги къ конюху и скажи, чтобъ живо запрягалъ лошадей!

Наши сборы были не велики. Панову такъ и не пришлось выпить кастороваго масла, изъ опасенія непріятностей во время движенія. Бѣлѣвшіяся палатки снимались одна за другой, и на мѣстахъ этого немудраго жилья оставались лишь желтѣвшія пятна отъ мятой соломы, служившей постелью. Роты строились, и, немного спустя, полкъ стоялъ подъ знаменами. Ждали бригаднаго командира. Офицеры, въ ожиданіи его, сходились группами. Пошли толки, предположенія, сообщенія и догадки.

— Господа, какъ вы думаете, что будетъ? — любопытствовалъ прапорщикъ Лукьянскій.—Куда насъ поведутъ?

— Скажутъ, такъ и узнаешь. Что это ты какой-то растерянный?—любопытствовалъ Мининъ.

— Я? Нисколько. Я только знаю, что сегодня будетъ сраженіе.

— Или опять сонъ видѣлъ? Господа, онъ сегодня ночью писемъ двадцать написалъ, а потомъ что-то въ ладонку зашивалъ. Видите, какія-то у него все предчувствія. Смѣхъ, да и только!

Лукьянскій сконфузился.

— Что ты врешь! Какъ тебѣ не совѣстно?

— Ей Богу, господа, не вру. Писалъ, зашивалъ и все твердилъ, что у него есть предчувствіе... Ха-ха-ха!—грохоталъ Гулиничъ.

— Господа, чего онъ смѣется? — обратился Лукьянскій къ окружающимъ.—Катай, братъ, еще на грошъ!—И Лукьянскій показалъ ему палецъ.— А я тебѣ вотъ что скажу, Гулиничъ: дѣйствительно, я былъ глупъ, сказавъ тебѣ, что у меня есть какое-то предчувствіе, но больше уже ты отъ меня ничего не услышишь и жить съ такимъ нахаломъ, какъ ты, въ одной палаткѣ я не стану.

Я подошелъ къ другой группѣ. Тамъ шли толки о томъ, какой-то ѣдой придется пробавляться день, такъ какъ запасы наши истощились.

— Господи Боже мой, хоть бы до турецкаго лагеря добраться,—замѣтилъ Лавровъ.—Хоть бы плову съ баранинкой поѣсть да кофейку хлебнуть...

Мининъ поспѣлъ и тутъ.

— Это вы насчетъ плову? А водка-то у васъ есть? Такъ давайте мы теперь выпьемъ, а туда закусывать пойдемъ.

— То-то водки нѣтъ.

— Ну, такъ я съ вами не знакомъ. Вотъ, господа, у меня ротный—заботится о насъ: и водчишка, и чайшко, и закусишка. Всѣ сіи благородные продукты навьючены на неблагородное животное. Какова эта картина? Маменьки мои, да вотъ онъ и самъ.

При этомъ Мининъ покушался меня обнять, но я оборонился саблей въ видѣ рогатины.

Между солдатами также начались разговоры, но командиръ полка прикрикнулъ:

— Это что за базаръ? Господа ротные командиры, приведите свои части въ порядокъ.

Послышались голоса ротныхъ командировъ.

— Стрѣлочки, что вы застрѣляли языками-то!

— Эй вы, плъ на молотьбу пришли? Молчать!

— Я васъ уйму!

Съ лѣваго фланга подѣхалъ верхомъ бригадный командиръ.

— Здорово, молодцы!—громко крикнулъ онъ.

— Здравіе желаемъ, ваше пр-во!

— Господа офицеры, впередъ!

Офицеры вышли.

— Господа, — началъ генераль, — я получилъ приказаніе двинуться съ четырьмя батальонами и взять деревню, занятую турецкими войсками, но какъ велика ихъ сила — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ мы должны постараться овладѣть ею.

При этихъ словахъ сердце болѣзненно сжалось. Замѣтно было, какъ блѣдность подернула многія лица...

Съ того момента, какъ мы слышали, что намъ предстоитъ бой, всѣ словно переродились. Одинъ какъ-то странно съежился весь, обратившись въ

слухъ, другой опустилъ въ землю глаза, у третьяго вырвался невольный вздохъ, и онъ съ смущеніемъ поглядывалъ вокругъ.

Бригадный командиръ продолжалъ:

— Не буду напоминать вамъ о вашемъ долгѣ. Вы показали недавно, что понимаете его и не останавливаетесь передъ опасностью, какъ бы велика она ни была.

Мы приложили руки къ козырькамъ и поклонились.

— Итакъ, по мѣстамъ—и съ Богомъ!

Начались распоряженія. Два батальона перваго полка съ четырьмя девятифунтовыми орудіями были двинуты въ обходъ деревни. Два батальона нашего полка съ четырехфунтовыми орудіями должны были тронуться, черезъ полчаса, прямой дорогой. Остальные батальоны, имѣя при себѣ по четыре орудія каждый, заняли высоты, прилежавшія къ долинѣ рѣки, для охраненія тыла.

Наконецъ мы тронулись. Пройдя съ версту, мы вышли въ долину, гдѣ протекала небольшая рѣчка; на обоихъ берегахъ ея виднѣлись безконечныя бахчи. Виднѣлись горы, между которыми тянулась лощина съ идущею по ней дорогой.

Въ какомъ разстояніи находились отъ насъ турки, мы не знали, такъ какъ казаки, бывшіе ночью въ разъѣздахъ, не обнаружили непріятеля.

Вдругъ изъ строя раздался голосъ рядового Ефимова:

— Ваше благородіе, эва на той горѣ пушки накатываютъ. Во-онъ гдѣ!

При этомъ говорившій показалъ на высоты, отстоявшія отъ насъ верстъ на пять.

Всѣ стали всматриваться, но никто ничего не видѣлъ.

Начались насмѣшки.

— А что, Ефимовъ, приставь-ка кулакъ къ глазу да посмотри, что теперича салтанъ турецкій дѣлаетъ. Можетъ статья, въ самый разъ разглядишь,—зубоскалилъ ротный балагуръ Сидоровъ.

Ефимовъ обидѣлся.

— Салтана-то не разгляжу, а тебя, осину, вижу. Вамъ дѣло говорить, что вкатываютъ!

— Ребята, не трожь его, у него въ глазахъ пушки турецкія,—того и гляди, что выстрѣлятъ.

Ефимовъ плюнулъ, свирѣпо посмотрѣлъ на смѣющихся и, поглядывая на зловѣщую гору, бормоталъ про себя:

— Постой же вы, черти! Вамъ теперь смѣхъ, а не былъ бы грѣхъ... И какъ не разглядѣть,—чего чище видно.

Чтобы переправиться чрезъ рѣчку, мы повернули направо, вверхъ по ея теченію, и дошли до селенія, оставленнаго жителями. Нѣсколько домовъ почему-то были пощажены, а большая часть деревушки представляла груды угля и пепла. Перейдя черезъ мостъ, мы построились въ боевой порядокъ и двинулись по лощинѣ. Жара была ужасная. Видъ солдатъ показывалъ, что, несмотря на привычку и выносливость, они страшно томились отъ снаряженія. Его составляли ранецъ съ укладкой, скатанная шинель черезъ плечо, шесть фунтовъ сухарей въ холщевомъ мѣшкѣ, сорокъ восемь патроновъ, вѣсомъ въ четыре фунта, двѣнадцать патроновъ въ карманѣ и ружье въ четырнадцать фунтовъ вѣсу, — вотъ что приходилось

нести солдату, идя въ предполагавшуюся стычку. Но тяжесть эта переносилась безропотно. Лишь изрѣдка слышалась мольба:

— Господи, хоть бы тучка-то нашла, а то ишь пекло!

Двигались мы медленно изъ опасенія наткнуться на засаду. Хотя впереди насъ шли разѣзды и патрули, но откосы горъ были покрыты такой густой растительностью, что осмотрѣть все не было возможности. Медленность движенія радовала солдатъ. Мы шли съ остановками, которыя дѣлали подъ громадными одиночными грушевыми деревьями, дававшими намъ тѣнь и плоды. Вокругъ cadaго дерева валялось множество опавшихъ грушъ. Сколько радости выражали солдаты, набирая полные карманы этого неважнаго лакомства, которымъ можно было утолить и жажду.

— Ну, братцы, не зѣвай, — раздавались тихіе голоса, — будетъ чѣмъ турку угощать; а то вѣдь въ обиду дастся, коли съ пустыми руками придемъ!

— Знамо, дастся. Тоже вѣдь, небось, сладенькое-то любить.

— Чего еще! когда по пяти хозяекъ держить.

— Это ты вѣрно. Плутъ народъ!

— Одно слово—бабникъ!

— Загребай, загребай, нечего ласы-то точить!

Но вдругъ грянулъ вдали выстрѣлъ, и граната пронеслась по направленію къ оставленнымъ нами позиціямъ.

Мининъ, стоявшій на флангѣ, не выдержалъ и быстро подошелъ ко мнѣ.

— Имѣю честь поздравить съ началомъ.

— Благодарю. И васъ также.

— Маленьки мои, какъ славно забираетъ за сердце! Пойду спрошу Никона, какъ онъ.

И онъ зашагалъ къ Панову.

— Никоне, какъ ты? Имѣешь мужество? Я на тебя надѣюсь.

— Отстань. Хоть теперь шута не ломай. Глупо!

Тутъ началось торжество Ефимова.

— Что, шмары, не вкатывали пушки? Туда жъ, смѣются! Протерли бы бѣлмы-то! А то „салтанъ турецкій“! Тебѣ бѣ надо кулакъ къ глазу-то приставить.

— Ну, братъ Ефимовъ, не серчай, твоя взяла!

Вдали послышался снова выстрѣлъ, и граната прожужжала надъ нашими головами, направляясь на нашу батарею, расположенную на высотѣ и оставленную при одномъ изъ батальоновъ, который долженъ былъ охранять нашъ тылъ.

Видно было, какъ она лопнула, немного не долетѣвъ. Наши четырехфунтовки стали отвѣчать, и ихъ маленькія гранаты также просвистали надъ нашими головами, но, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ и, вѣроятно, убѣдясь, что снаряды не достигаютъ цѣли, батарея съѣхала съ позиціи и укрылась за горой.

Турецкія орудія смолкли. Смолкли и мы и даже какъ-то притаились. Видно было, что каждый ушелъ въ себя, переживая минуты не менѣе тягостныя, чѣмъ во время боя.

Все было тихо. Сердце стало биться чаще, во рту пересохло, потъ лился, но жаръ пересталъ быть жгучимъ... Всѣ обратились въ слухъ, всѣ ждали... Но ничто не нарушало тишины, и тишина эта казалась зловѣщей. Каждый шагъ приближалъ

насъ къ тому неизбежному, гдѣ многимъ придется свести расчеты съ жизнью. Минуты казались долгими. Мы шли и шли... И вотъ передъ нами поворотъ лощины. Стоить только пройти этотъ поворотъ, и мы станемъ лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Роты остановились. Генераль подозвалъ къ себѣ батальоннаго и полкового командировъ и сталъ дѣлать распоряженія. Стрѣлковая рота была послана въ цѣпь и быстро двинулась впередъ.

Прошло нѣсколько минутъ, и турецкія пули зашвистали, но звукъ ихъ полета былъ тихъ и мягокъ. Ясно было, что выстрѣлы дѣлались издалека.

— Видите, чертовка, какъ ласкаеть!—говорилъ Мининъ. — Вотъ она, вотъ она!.. Ссс... И не думаешь, что ушибеть.

Наша артиллерія поднялась на пригорокъ, чтобъ обстрѣливать лощину, бросая снаряды черезъ наши головы, но не успѣла она сняться съ передковъ, какъ граната лопнула невдалекѣ. И это было какъ бы сигналомъ. Турки засыпали снарядами весь пригорокъ; поминутно показывался дымокъ, и затѣмъ слѣдовалъ трескъ разрывавшихся гранатъ. Стали отвѣчать и наши, но это опять были четырехфунтовки. Турецкая же батарея, наполовину состояла изъ дальнобойныхъ орудій.

Сдѣлавъ выстрѣловъ десятокъ и увидя бесполезность борьбы, наша батарея прекратила огонь и снялась съ позиціи. Когда мы это замѣтили, обидно и тяжело стало у насъ на душѣ. Каждый выстрѣлъ, посылаемый нашей артиллеріей, возбуждалъ въ насъ чувство удовольствія. А тутъ,